

18+

АННА
ВЕРСКАЯ

МОЛОЧНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Анна Верская

Молочный детектив

<https://litres.ru/74275059>

ISBN 9785007068406

Аннотация

Декабрь, мороз. В новой «Кулинарии» выстраивается трёхсотметровая очередь за бужениной, а вечером в подсобке находят тело продавщицы. Вера Соловьёва знала эту девушку и решает разобраться сама. А в деле о трёх конвертах случайно вскрытые письма приводят к убийству старушки-соседки и тайне сорокалетней давности. В арсенале Веры — авоська, острый язык и умение слушать очередь. Ироничный советский детектив, в котором настоящий следователь носит не погоны, а накрахмаленный фартук.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 4	30
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Молочный детектив

Анна Верская

Обложка ChatGPT

Иллюстрации ChatGPT

© Анна Верская, 2026

ISBN 978-5-0070-6840-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

Ноябрь в их городе наступал не по календарю, а по факту: вдруг кончалась сметана, хотя ещё вчера была, и граждане начинали кутаться в плащи с такой скорбью во взгляде, будто впереди маячила не зима, а ревизия из торгова. Вера Андреевна Соловьёва, стоя за прилавком молочного отдела универсама №5, наблюдала эту ежегодную метаморфозу с философским спокойствием. Семнадцать лет в торговле научили её одному: погода портится — люди тоже, но творог от этого свежее не становится.

— Девушка, а кефир сегодняшний? — спросила тётка в клетчатом платке, подозрительно разглядывая бутылку на просвет.

— Сегодняшний, — ответила Вера, не отрываясь от накладной. — Завтрашний ещё не завезли. Будете брать или вам справку о дате рождения каждой бактерии выписать?

Очередь одобрительно загудела. Веру в очереди уважали. Во-первых, за то, что она никогда не пыталась всучить про-

сроченный товар, даже если план горел синим пламенем. Во-вторых, за умение отвечать так, что даже обиженный покупатель уходил почти довольный — как будто ему не кефир завернули, а комплимент сделали.

Люся, напарница, сегодня сияла. Её знаменитые заколки — чешские, с зелёными камушками, — были примотаны к волосам суровой ниткой и напоминали авангардную инсталляцию на тему «Советская женщина и технический прогресс». Она то и дело поправляла их, поглядывая в мутное зеркало над весами.

— Вера Андреевна, — зашептала Люся, наклоняясь через прилавок, — а вы знаете, что в «Галантерее» заколки кончились? Я успела последние взять! Теперь весь район мне завидует. Тётя Нина сказала, что я теперь как артистка из кино.

— Люся, — ответила Вера, перекладывая творог, — артистки из кино носят заколки с бриллиантами, а не с зелёнькими камушками. Но ты не расстраивайся: бриллианты — это пафосно. А камушки — душевно.

Люся кивнула и гордо вскинула голову. Заколки покачнулись, но удержались.

День катился своим чередом. К обеду Вера отпустила Лю-

сю на перерыв, сама встала к весам и обслужила, кажется, полрайона. Покупатели приходили не только за кефиром, но и за новостями

— А сметана сегодня жидкая, — пожаловалась очередная покупательница.

— Жидкая — значит, диетическая. Вам полезно.

Женщина хмыкнула, но сметану взяла. Советский человек привык брать что дают. Это был не просто навык — это была национальная философия.

Вечером, возвращаясь домой, Вера заглянула в почтовый ящик. Там, среди газеты «Труд» и счёта за квартплату, лежали три белых конверта. Без марок, без обратного адреса. На всех — аккуратная надпись синими чернилами: «Седовой А. П., кв. 14».

— Опять почтальонша напутала, — пробормотала Вера, поднимаясь по лестнице. — Новая, что ли? После Шуры взяли какую-то девицу, а она адреса путает. Четырнадцатая — это ж через площадку.

Вера толкнула дверь своей квартиры, вошла и с порога вдохнула знакомый запах жареной картошки с луком и ещё чего-то уютного, непередаваемого, что бывает только в до-

мах, где живут несколько поколений женщин. Зинаида Петровна, её мать, лежала на кровати и слушала радио — передавали «Театр у микрофона», какую-то классику. Олька, дочь Веры, сидела за кухонным столом и с усердием чертила что-то в тетради.

— Привет, мам! — крикнула Олька, не поднимая головы.
— Я ужин разогрела. Картошка на плите.

— Умница, — сказала Вера, снимая плащ. Она бросила конверты на стол. — Надо будет Антонине Павловне отнести. Почтальонша опять ящики перепутала.

— Антонина Павловна — это та тихая старушка напротив? — спросила Олька. — Она всегда в сером платке ходит и улыбается. Хорошая.

— Хорошая, — кивнула Вера и поставила чайник. — Сейчас чаю попью, и отнесу.

— А что ты там чертишь? — Вера заглянула в Олькину тетрадь. Там была нарисована замысловатая схема из квадратов, кружков и стрелок.

— Это план расследования! — гордо объявила Олька. — Я теперь хочу быть как ты, мам. Сыщиком. Вот, смотри:

квадратик — это место преступления. Кружок — подозреваемый. А звёздочка — улика.

— Улика у тебя похожа на печенье, — заметила Зинаида Петровна, не открывая глаз. — Но для начала сойдёт. Главное, чтобы преступник не оказался творогом.

— Мам, творог — не преступник. Творог — жертва, — ответила Вера и разлила чай.

Но чай попить не удалось. Олька, потянувшись за своей тетрадью, задела локтём чашку. Чай — горячий, с мятой — выплеснулся на стол и растёкся по трём белым конвертам.

— Ой! — вскрикнула Олька. — Мам, прости! Я нечаянно!

Вера, не теряя ни секунды, схватила конверты и принялась их вскрывать — один за другим, быстро, пока бумага не размокла окончательно.

— Если там что-то важное, а мы зальём, — приговаривала она, — потом не восстановишь. Вдруг документы? Вдруг открытка к празднику?

— До праздника ещё далеко, — заметила Зинаида Пет-

ровна. — Ноябрь на дворе. Какие открытки?

Вера вытащила первый листок. Развернула. Прочитала. Замерла.

— Что там? — спросила Олька, заглядывая через плечо.

Вера прочла вслух: «Уезжай из города, иначе пожалеешь».

Олька открыла рот. Зинаида Петровна села на кровати — такого она не ожидала.

Вера вскрыла второй конверт. Там было: «Ты знаешь, что случилось на улице Речной в сорок шестом». Третий конверт. Внутри — фотография. Мужчина лет тридцати, в тёмном костюме, с жёстким, неприятным взглядом. Лицо перечёркнуто чёрным карандашом. На обороте надпись: «Марк, 1946».

В кухне повисла тишина. Чайник на плите перестал пыхтеть, радио в комнате замолчало — кончилась передача.

— Ничего себе открытка к празднику, — проговорила Зинаида Петровна. — Это кто ж так поздравляет, Вер? И кому?

— Это не мне, — сказала Вера медленно. — Это Седовой.

Антонине Павловне. Но я вскрыла. Случайно.

— Случайно, — повторила Зинаида Петровна. — Как тот раз, когда ты случайно нашла недостачу в бухгалтерии. Или как тот раз, когда ты случайно раскрыла аферу с гречкой. У тебя, Верочка, всё случайно. Только случай у тебя работает с точностью будильника.

Вера не ответила. Она перечитала письма ещё раз. Улица Речная. Сорок шестой год. Марк. Кто-то угрожал тихой старушке, напоминая о том, что случилось почти сорок лет назад. И фотография — зачем перечёркивать лицо? Чтобы напугать? Или это знак?

— Завтра отнесу, — решила она. — Скажу, что почтальонша перепутала. И спрошу про эти письма.

— Может, не надо? — спросила Олька. — А вдруг это опасно?

— Опасно — это когда гречку дают без талонов, а ты не знаешь, — ответила Вера. — А это просто бумага.

Но в ту ночь она долго не могла уснуть. Лежала и смотрела в потолок, на котором от фонаря за окном дрожали тени голых веток. Фотография с перечёркнутым лицом стояла

перед глазами. Кто такой этот Марк? Что он сделал? И кому понадобилось пугать старую женщину тем, что случилось сорок лет назад?

Утром Вера не успела отнести конверты. Потому что утро началось с крика.

Кричала соседка с первого этажа, тётя Паша, — кричала так, что было слышно на весь подъезд. Вера, накинув халат, выскочила на лестничную клетку. Дверь квартиры Антонины Павловны была приоткрыта.

— Я к ней за солью, — лепетала тётя Паша, вцепившись в перила, — а она... вот...

Вера шагнула в квартиру. Антонина Павловна лежала на полу в луже крови. На затылке — глубокая рана. Рядом, на кухонном столе, — две чашки с остатками чая, сахарница, раскрытая коробка печенья «Юбилейное». И конверт. Белый. Точно такой же, какие Вера вчера случайно залила чаем.

— Не трогайте ничего, — сказала Вера тёте Паше и сама отошла к двери. — Я вызову милицию.

Участковый Виктор Сергеич приехал через полчаса. Он

был хмур и невыспан, но дело своё знал. Осмотрел место, покачал головой. Вызвал эксперта.

— Старушка старенькая, жила одна, — говорил он, заполняя протокол. — Кто-то зашёл, попросил чаю. Она его впустила. Сидели, разговаривали. Потом он её ударил. Шкатулка вон пустая валяется. Деньги, видимо, искал.

Вера стояла в дверях, не вмешиваясь. Но когда участковый отвернулся, она взяла конверт со стола. Спрятала в карман.

Дома она достала его и сравнила с теми тремя, что лежали в буфете. Та же бумага. Тот же шрифт. Те же чернила.

— Четвёртый, — прошептала Вера. — Он пришёл с этим письмом. Отдал. Они пили чай. А потом он её убил.

Она перевернула конверт. На нём было написано: «Седовой А. П., кв. 14». И ниже — та же надпись, что и на фотографии: «Марк, 1946».

Зинаида Петровна, которая всё это время молча сидела на кровати, спросила:

— Вер, ты понимаешь, что получается? Эти письма долж-

ны были прийти к ней. А пришли к тебе. Случайно. Ты их вскрыла. Случайно. И теперь ты знаешь то, из-за чего её убили.

— Знаю, — сказала Вера. — И я не успокоюсь, пока не пойму, что случилось на улице Речной в сорок шестом году.

— Ну вот, — вздохнула мать. — Опять. Я так и знала. В нашей семье не бывает спокойной осени.

Вера села за кухонный стол и открыла тетрадь. Ту самую, в которую записывала рецепты, а после дела Марии Захаровны — ещё и улики. Она нашла чистую страницу и вывела:

«Дело №3. Три конверта.

1. Письма адресованы Антонине Павловне Седовой, кв. 14.
2. Три письма попали ко мне по ошибке почтальонши.
3. Содержание: угрозы, требование уехать.
4. Упоминается улица Речная, 1946 год.
5. Фотография мужчины с перечёркнутым лицом. Имя — Марк.
6. Антонина Павловна убита. Орудие — что-то тяжёлое.
7. На столе — две чашки. Пили чай. Убийца — знакомый.
8. Шкатулка с деньгами пропала.

Подозреваемые:?»

Она поставила вопросительный знак и отложила карандаш.

За окном моросил ноябрьский дождь. Где-то в городе жили люди, которые знали, что случилось на Речной сорок лет назад. И один из них только что убил тихую старушку, которая пила с ним чай.

Завтра Вера начнёт искать.

Глава 2

Утро в молочном отделе началось с того, что Люся опоздала на полчаса. Это было настолько необычно (обычно она опаздывала на час), что Вера даже встревожилась. Но когда Люся впорхнула в отдел — раскрасневшаяся, с блестящими глазами и загадочной улыбкой, — стало ясно: случилось что-то из ряда вон.

— Вера Андреевна! — зашептала Люся, перегибаясь через прилавок и едва не ссчитая локтём пирамиду из пачек творога. — Вадик из «Тканей» меня вчера в подсобку позвал! Говорит: «Люся, приходи завтра, у нас новый завоз. Импортное бельё. Сама посмотришь, примеряешь». Он мне обещал что-то особенное показать!

Вера подняла бровь.

— Бельё? Импортное? Люся, ты хоть знаешь, как оно выглядит?

— А чего там знать? — Люся пожала плечами. — Бельё — оно и есть бельё. Трусы и лифчик. У меня всю жизнь хлопковые, белые, в цветочек. Я думала — импортное такое же. Только, может, кружевное. Или цветное.

Вера хотела что-то сказать, но передумала. Советская женщина и импортное бельё — это были две параллельные вселенные, которые редко пересекались. В магазинах десятилетиями продавали одно и то же: хлопковые бюстгалтеры на пуговичках, белые или телесные, с широкими лямками и фасоном, который деликатно называли «послеродовым», даже если женщина никогда не рожала. Трусы — тоже хлопковые, в рубчик, с резинкой на талии, которая растягивалась через неделю. Вся эта продукция поставлялась с фабрики «Заря» и была настолько утилитарной, что любое кружево казалось откровением.

Импортное бельё — венгерское, чешское, а тем более французское — было дефицитом из дефицитов. Его «доставали» через блат, продавали из-под полы и обсуждали шёпотом. Оно было другого кроя, других материалов — капрон, нейлон, лайкра. И застёжки на нём располагались в самых неожиданных местах: спереди, сбоку, на одном плече. Советская женщина, привыкшая к пуговичкам на спине, при виде такого чуда часто впадала в ступор. Как говорила тётя Нина: «Импортное бельё — это как инструкция к пылесосу „Тайфун“: всё понятно, но ничего не работает».

Вера отпустила Люсю «на полчаса, не больше». Та умчалась в «Ткани», а Вера встала к весам.

Через полчаса Люся вернулась. Не вошла — влетела. Красная как свёкла, с пакетом в одной руке и с выражением лица, которое Вера определила как «смесь восторга и паники». Люся схватила Веру за рукав и потащила в подсобку.

— Вера Андреевна! Вы только не смейтесь! Я это... примерила...

— Что примерила?

— Вот! — Люся достала из пакета нечто кружевное, с множеством лямочек, крючочков и резиночек. Это был бюстгальтер. Но такой, каких Вера не видела даже в журнале «GDR — мода для вас». Чёрный, с красной вышивкой, застёжкой спереди и чашечками такой формы, что Вера на секунду подумала: может, это деталь от скафандра?

— Вадик сказал — последняя модель. Венгерская. Называется «Афродита». Я думала, это шапочка!

Вера перевела взгляд с лифчика на Люсю. Потом обратно.

— Ты надела его на голову?

— Ну да! А что? Он так красиво лежал... Как берет! Кружевной! Я ещё подумала — чего это у шапочки чашечки такие? Думала, для ушей. Ну, чтоб уши не мёрзли!

Вера прислонилась к стеллажу с творогом. Творог был хо-

лодный и твёрдый — хорошо охлаждал.

— И как ты в этом вышла к Вадику?

— А я вышла! — Люся чуть не плакала. — Стою такая в подсобке, на голове лифчик, и говорю: «Вадик, спасибо за шапочку, только она маловата». А он как засмеётся! А потом говорит: «Люся, это не шапочка. Это на грудь надевают». А я стою, на голове лифчик, и думаю: вот это конфуз...

Вера представила эту картину. Представила. И начала смеяться — тихо, но с чувством. У неё даже слёзы выступили.

— Люся, — сказала она, вытирая глаза, — ты первая женщина в Советском Союзе, которая надела лифчик как головной убор. Если бы существовал конкурс «Мисс оригинальность», ты бы взяла Гран-при.

— Вам смешно! — обиделась Люся. — А мне теперь Вадику в глаза смотреть стыдно!

— Ничего, — Вера взяла лифчик, расправила лямки, покрутила в руках. — Запомни: шапочки носят на голове. Лифчики — нет. Даже если очень похожи. Даже если там чашечки, которые можно принять за уши. А Вадику скажи — пусть инструкцию прилагает. Для особо творческих.

Люся вздохнула и спрятала злополучный лифчик обратно в пакет. Вера ещё немного посмеялась про себя, но потом одёрнула себя: впереди было серьёзное дело.

В обеденный перерыв, когда поток покупателей схлынул, Вера села в подсобке и достала тетрадь. Перед ней лежали три конверта, фотография с перечёркнутым лицом и четвёртый конверт — с места преступления. Она начала записывать.

Кто мог желать зла тихой старушке? Кто знал её тайну?

Первым в списке появился племянник Геннадий — Вера слышала от тёти Нины, что он приехал за месяц до смерти, скандалил с тёткой, требовал денег. Соседка с первого этажа говорила, что слышала крики: «Отдай деньги, старая!» Мотив — корысть. Возможность — был в доме в день убийства.

Вторым Вера записала соседа снизу, Семёна Петровича. Нелюдимый мужчина лет пятидесяти, бывший военный. Вера часто видела его на лестнице — он поднимался на этаж Антонины Павловны без видимой причины. Один раз она заметила, как он стоял у её двери и прислушивался. На руке у него был массивный перстень с тёмным камнем — явно старинный, фамильный.

Третьей стала новая почтальонша Зина. Именно она перепутала ящики и бросила конверты Вере. Когда Вера зашла на почту и спросила её об этом, Зина смутилась и сказала: «Я не специально! У вас ящик тёмный, у неё тёмный, я перепутала». Но Вера заметила, как у неё дрожали руки. Почтальонша знала содержание писем? Или что-то ещё?

Четвёртой Вера записала Клавдию Матвеевну — старую подругу Антонины Павловны. Тётя Нина рассказывала, что они дружили сорок лет, а за неделю до смерти разругались в пух и прах. Из-за денег. Антонина Павловна отказала подруге в займе. Клавдия Матвеевна кричала: «Ты всю жизнь была жадная!»

Пятого подозреваемого Вера пока не знала. Она написала в тетради: «Неизвестный. Человек с фотографии? Марк? Или тот, кто за ним стоит».

Она перечитала список и подчеркнула последнюю строчку. Впереди было много работы. Нужно было опросить каждого.

Вера закрыла тетрадь и вернулась в торговый зал. Люся уже стояла за прилавком и, как ни в чём не бывало, взвешивала сметану. Увидев Веру, она покраснела и поправила за-

колку.

— Люся, — сказала Вера, — ты лифчик-то домой отнесла?

— Отнесла. В шкаф положила. Подальше.

— Вот и правильно. Пусть полежит. Привыкнешь.

Очередь, слышавшая этот разговор, загудела, но никто ничего не понял.

Вечером Вера вернулась домой. Оля сидела над тетрадью, мать слушала радио. Она села за стол, достала конверты и тетрадь. Завтра она начнёт искать.

Глава 3.

Утро четверга началось с того, что в молочном отделе погас свет. Не весь, конечно, а только над витриной с творогом, но этого хватило, чтобы очередь, и без того нервная, загудела как потревоженный улей.

— Девушка, а как вы теперь творог взвешивать будете? — спросила тётка в берете. — На ощупь?

— На совесть, — ответила Вера, доставая из-под прилавка свечку. — При свечах. Романтика.

— А это не антисанитария? — засомневалась другая покупательница.

— Антисанитария — это когда творог пальцами щупают. А свечка — это эстетика.

Люся, которая сегодня пришла почти вовремя (опоздала всего на двенадцать минут), метнулась в подсобку за новыми лампочками, но вернулась с пустыми руками.

— Вера Андреевна! Там такое! — зашептала она, хватая Веру за рукав. — В мясном отделе ОБХСС! С проверкой! Тётю Раю поймали! Говорят, у неё гири облегчённые, а в подсобке — «левые» кости! Весь универсам на ушах!

Вера отложила свечку. ОБХСС — это было серьёзно. Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности не наведывался просто так. Обычно за ними тянулся шлейф из протоколов, допросов и уволенных сотрудников.

— Сиди здесь, — сказала она Люсе. — Я схожу посмотрю.

У мясного отдела уже собралась толпа. Покупатели, забыв о своих авоськах, наблюдали, как двое мужчин в штатском выносят из подсобки ящики с костями. Тётя Рая, красная как помидор, стояла у прилавка и прижимала к груди засаленный фартук.

— Это не моё! — кричала она. — Это поставщик привёз! Я думала, суповой набор! Откуда я знала, что кости левые?

— А гири? — спросил один из проверяющих, поднимая с весов злополучную гирию. — Гири тоже поставщик привёз? Облегчённые на пятьдесят граммов? За месяц набегает, знаете ли, кругленькая сумма.

Тётя Рая всхлипнула. Толпа загудела. Кто-то из покупателей крикнул: «Я у неё вчера мясо брала, а оно на сто граммов меньше оказалось! Я ещё думала — может, усохло!»

Вера стояла в стороне и слушала. Ей было жаль тётю Раю — та, конечно, воровала, но не со зла, а по бедности. Зарплата у продавщиц была такая, что без «левых» приработков не прожить. Но ОБХСС этого не волновало.

— Кто поставщик? — спросил проверяющий, раскрывая протокол.

— Завьялов, — прошептала тётя Рая. — Лев Завьялов. С мясокомбината. Он мне эти кости и привёз. Сказал — суповой набор. Я не проверяла...

Вера записала фамилию в блокнот. Завьялов. Где-то она уже слышала эту фамилию.

Вечером, когда шум утих и мясной отдел опечатали до выяснения, Вера отправилась на почту. Ей нужна была почтальонша Зина — та самая новенькая, что перепутала ящики и доставила Вере чужие письма.

Почта помещалась в старом одноэтажном здании рядом с универсамом. Внутри пахло сургучом, канцелярским клеем и той особенной казённой сыростью, которая бывает только в государственных учреждениях. За перегородкой сидела Зина — молодая женщина лет двадцати пяти, с испуганными глазами и вечно сбивающейся набок косынкой.

— Здравствуйте, — сказала Вера, подходя к окошку. — Я Вера Андреевна Соловьёва. Из двенадцатой квартиры. Это вы мне письма для Седовой положили?

Зина вздрогнула и поправила косынку.

— Ой, здравствуйте! Да, я. Извините, пожалуйста! У вас ящик тёмный, у неё тёмный, я перепутала. Я недавно работаю, ещё не привыкла. Вы не ругайтесь, я больше не буду.

— Я не ругаюсь, — сказала Вера спокойно. — Я просто хочу спросить. Эти письма — вы их часто носили? Кому? Антонине Павловне?

Зина замялась. Потом огляделась по сторонам (на почте было пусто, только старушка в углу переписывала адреса с конверта на открытку) и тихо сказала:

— Носила. Почти каждую неделю. Иногда два раза в неделю. Она их боялась, я видела. Возьмёт, а руки дрожат. И лицо белое-белое. Я её спрашивала: «Может, не носить?» А она: «Нет, носи. Я должна знать».

— А от кого письма? — спросила Вера. — Вы видели, кто их посылает?

— Обратного адреса нет, — ответила Зина и вдруг понизила голос до шёпота. — Но один раз я видела. Мужчина. В сером пальто. Он их опускал в ящик у почты. Вечером, когда уже темно. Я запомнила — у него воротник поднят и шляпа надвинута. Лицо не разглядела, но походка такая... тяжёлая. Как будто он злой. Или боится.

— Когда это было? — быстро спросила Вера.

— За два дня до её смерти. Он опустил письмо, огляделся и быстро ушёл. Я хотела его окликнуть, но не решилась. А потом подумала — может, показалось.

Вера записала в блокнот: «Мужчина в сером пальто. Шляпа. Тяжёлая походка. За два дня до убийства».

— Спасибо, Зина. Вы мне очень помогли.

— Вы думаете, это он её убил? — спросила Зина шёпотом.

— Не знаю, — ответила Вера. — Но он точно знал то, что знала она. А это уже след.

Дома Вера села за стол и открыла свою тетрадь. Теперь картина немного прояснялась. Был отправитель писем —

мужчина в сером пальто. Были пять подозреваемых. Было старое дело об убийстве на улице Речной. И была фотография Марка Колесникова с перечёркнутым лицом.

Она дописала в тетради:

«5. Отправитель писем — мужчина в сером пальто. Возможно, шантажист. Возможно, убийца».

Завтра она начнёт с архива. А пока — чай с мятой и тишина. Потому что завтра страна снова ждёт творого. И правды. Причём неизвестно, чего больше.

Глава 4

Суббота встретила Веру запахом подгоревшей каши и звонком в дверь. Она, ещё в халате и с мокрыми после умывания волосами, пошла открывать, недоумевая: кто мог зайти в такую рань, когда даже булочная на углу ещё не открылась? За дверью стоял Владимир, бывший муж, с букетом астр и пакетом, из которого торчала палка финского сервелата.

— Ты чего в такую рань? — спросила Вера, пропуская его в прихожую.

— Так суббота же. Выходной. Ты вчера говорила про архив. Я подумал — чего тянуть. Пока Оля спит, пока мама спит, мы быстренько съездим, посмотрим твоё дело.

— Мама не спит, — донеслось из комнаты. — Мама всё слышит.

Владимир, не смутившись, прошёл на кухню, положил сервелат на стол и сунул астры в банку с водой. Зинаида Петровна, приподнявшись на подушках, наблюдала за ним с интересом.

— Астры — это хорошо, — заметила она. — И сервелат. Но ты, Володя, учти: она у меня теперь следователь. Ей мозги нужны ясные, а не сервелат. Хотя сервелат тоже не помещает.

— Мам! — Вера, уже одевшаяся в плащ, заглянула в комнату. — Мы в архив. По делу.

— По делу так по делу, — Зинаида Петровна прикрыла глаза. — Только учти: архив — это такое место, где правду прячут под слоем пыли. А пыль, она знаешь, какая? Советская. Сорокалетняя. Дыши осторожно, а то начихаешь на улики.

— Мам, улики — не пыльца. Они не смываются.

— Смываются, ещё как. Особенно если их следователь не заметит. А ты замечай. У тебя талант.

Вера не стала спорить. Они с Владимиром вышли на улицу, где их ждал издававший виды «Москвич». Салон пах бензином, старыми картами и немного табаком. Владимир завёл мотор, и машина, чихнув, покатила по серым от ноябрьской слякоти улицам.

Городской архив помещался в трёхэтажном здании быв-

шей купеческой конторы — с лепниной на потолке, которую никто не реставрировал, и скрипучими деревянными лестницами. Внутри пахло пылью, старыми бумагами и тем особым запахом государственной тайны, которая на самом деле никому не нужна, но всё равно хранится под замком.

За столом у входа сидела архивариус — женщина предпенсионного возраста, в очках с толстыми стёклами и с лицом, выражавшим вселенскую скорбь о судьбах документации. Увидев посетителей, она сняла очки и подозрительно осмотрела Веру.

— Вам чего?

— Нам бы дело одно посмотреть. Старое. Сорок шестой год. Улица Речная. Убийство.

Архивариус поправила очки.

— А вы кто? Следователь? Из милиции?

— Я из универсама, — честно ответила Вера и, заметив, как вытянулось лицо женщины, быстро добавила: — По личному вопросу. Моя соседка была свидетельницей по этому делу. Недавно её убили. Я хочу понять связь.

Архивариус поджала губы, но, видимо, решив, что продавщица из универсама — не самый опасный посетитель, махнула рукой в сторону читального зала.

— Ждите. Я принесу. Только уговор: ничего не выносить, страницы не перегибать, и если что — я ничего не давала.

— Договорились, — сказала Вера и села за длинный деревянный стол, за которым, наверное, ещё до революции купцы подписывали сделки.

Через полчаса архивариус принесла пухлую папку с потрёпанными тесёмками. На обложке синими чернилами было выведено: «Дело №47/III. Убийство Колесниковой И. А. Март 1946 г.». Вера взяла папку, и на неё пахнуло запахом старой бумаги, пыли и времени — того самого, которое всё хоронит, но иногда выбрасывает на поверхность.

Она открыла первую страницу. Протокол осмотра места. Улица Речная, дом 6. Двухэтажный деревянный особняк, разделённый на коммуналки. Квартира Колесниковых — две комнаты. Ирина Андреевна Колесникова, 28 лет, найдена на полу в луже крови. Удар тупым предметом по голове.

— Тупым предметом, — пробормотала Вера. — Как и у Антонины Павловны.

— Почерк? — спросил Владимир, заглядывая через плечо.

— Почерк тот же. Но орудие другое. Там был подсвечник. А здесь — ступка.

Она перевернула страницу. Протокол допроса свидетельницы — Антонины Павловны Седовой, 22 лет, незамужней, работавшей машинисткой в горсовете.

«Я, Седова Антонина Павловна, 1924 г. р., проживающая по адресу: ул. Речная, д. 6, кв. 4, настоящим сообщаю: 15 марта 1946 года, около 10 часов вечера, я возвращалась домой. Подходя к дому, я услышала крик из квартиры Колесниковых. Затем увидела, как из парадного выбежал мужчина. Он был в тёмном пальто и шапке. Лица я не разглядела, так как было темно. Он побежал в сторону моста. Я поднялась в квартиру Колесниковых и обнаружила Ирину Андреевну на полу без сознания. Я вызвала милицию».

Вера перечитала ещё раз.

— «Лица не разглядела», — пробормотала она. — Но ведь темнота на Речной — не крошечная. Фонарь был. В деле есть схема места.

Она нашла схему, нарисованную от руки. Фонарь действительно находился прямо у входа. И окна Колесниковых выходили на улицу. Если бы Антонина Павловна действительно подходила к дому в момент убийства, она должна была видеть больше.

— Она боялась, — тихо сказала Вера. — Она узнала убийцу и боялась его. Или не хотела выдавать.

— Почему? — спросил Владимир.

— Потому что если бы это был незнакомец, она бы сказала. А она молчала. И всю жизнь потом мучилась.

Она пролистала дальше. Подозреваемый: Марк Иосифович Колесников, муж убитой. Работал на мясокомбинате снабженцем. В день убийства ушёл из дома за час до происшествия. Его видели у моста — того самого, куда, по словам Седовой, побежал преступник. После убийства Марк Колесников исчез. Объявлен в розыск. Розыск результатов не дал. Дело приостановлено.

Вера перевернула последний лист и замерла. К протоколу была приколота фотография. С жёлтой, выцветшей от времени фотографии на неё смотрел мужчина лет тридцати.

Тёмные волосы, жёсткий взгляд, чуть скошенный влево. Тот самый человек, чьё перечёркнутое лицо она нашла в конверте. Марк Колесников.

— Смотри, — тихо сказала Вера, показывая фото Владимиру. — Тот самый.

Владимир взял фотографию, всмотрелся.

— Точно. Только здесь он живой и не перечёркнутый.

— Значит, перечеркнул отправитель, — сказала Вера. — Чтобы напугать. Мол, ты виновата, ты его погубила. Или просто — ты следующая.

Вера переписала основные данные дела в свою тетрадь. Имена, адреса, даты. Список свидетелей. Она обратила внимание, что среди них значился некто Завьялов И. С., работник горсовета, — тот, кто последним видел Марка у моста. Фамилия была знакомой: Завьялов. Тот самый снабженец, что поставлял «левые» кости в мясной отдел. Может, родственник?

Она закрыла папку и вернула её архивариусу.

— Узнала, что хотела? — спросила та, подозрительно гля-

дя поверх очков.

— Только начала, — ответила Вера. — Спасибо. Скажите, а кто-нибудь ещё интересовался этим делом? Может, запросы были?

Архивариус задумалась.

— В прошлом году приходил мужчина. В штатском. Спрашивал это же дело. Я ему дала.

— Не помните фамилию? Или как выглядел?

— Лет пятидесяти. Высокий. Молчаливый. Перстень у него был. Массивный такой, с тёмным камнем. Я ещё подумала — наверное, из бывших военных.

Вера переглянулась с Владимиром. Перстень. Кто-то ещё искал правду об убийстве на Речной. И этот кто-то носит фамильную вещь.

— Спасибо, — сказала Вера и записала в тетрадь: «Мужчина с перстнем. Интересовался делом. Кто он?»

Вечером, когда они возвращались домой и сидели в машине, прогревая мотор, Вера сказала:

— Теперь я знаю точно. Марк Колесников — муж убитой. Он исчез. А его фотографию кто-то посылал Антонине Павловне с угрозами. Зачем? Боялся, что она вспомнит? Или хотел запугать?

— И перстень, — добавил Владимир. — Кто-то с перстнем тоже копал это дело. Может, тот же человек?

— Может. А может, другой. — Вера задумалась. — Слишком много «может». Надо искать тех, кто жил на Речной. И тех, кто знал Колесниковых. И почтальоншу расспросить ещё раз — она видела отправителя.

Владимир завёл мотор. Машина тронулась, и за окном поплыли мокрые от дождя улицы. Вера смотрела на них и думала, что сорок лет — не срок для правды. Она всё равно вылезет наружу. Как шило из мешка. Как обвес в мясном отделе.

Дома её ждали Оля с новой детективной схемой (теперь там была графа «Архив — найдено фото Марка Колесникова»), Зинаида Петровна с неизменным скепсисом и остывший чай. Вера налила себе чашку, села за стол и открыла тетрадь. Дописала:

«Дело №3. Промежуточные итоги:

1. Убийство на Речной, 1946 год. Погибла Ирина Колесникова.
2. Свидетельница — Антонина Павловна Седова. Показания путаные, возможно, скрыла правду.
3. Подозреваемый — муж Марк Колесников. Исчез.
4. Фотография Марка — та же, что в конвертах.
5. Среди свидетелей — Завьялов И. С. (родственник снабженца?).
6. Делом интересовался мужчина с перстнем (кто он?).
7. Отправитель писем — мужчина в сером пальто (видела почтальонша).

Что дальше:

- Найти тех, кто жил на Речной.
- Расспросить Клавдию Матвеевну.
- Найти племянника Геннадия.
- Выяснить, кто такой мужчина с перстнем.
- Узнать про Завьялова».

Она поставила точку и отложила карандаш. Завтра нужно снова идти к почтальонше. А потом — к подруге убитой. И к соседу снизу. Чем больше людей, тем больше ниточек. А ниточки имеют свойство сплетаться.

За окном шумел ноябрьский дождь. Вера допила чай и

пошла спать.

Глава 5

Понедельник в молочном отделе начался с того, что Люся пришла вовремя. Это случалось так редко, что Вера, не сдержавшись, отложила накладную.

— Люся, что-то случилось? Трамвай сломался? Или ты ночевала в подсобке?

— Вера Андреевна, ну почему сразу в подсобке? — Люся стянула платок и принялась поправлять знаменитые заколки. — Просто у меня теперь режим. Вадик говорит, что женщина должна быть организованной. Я теперь встаю по будильнику и даже завтракаю.

— Вадик у нас, смотрю, стратег, — заметила Вера. — В прошлый раз он тебе про манекен рассказывал, теперь про режим. Скоро, глядишь, до брошюры «Советы молодой хозяйке» доберётся.

Очередь оживилась. Тётка в берете, которая, казалось, жила у прилавка, тут же подхватила тему:

— А мой меня в молодости вообще будил криком: «Вставай, корова недоеная!» И ничего, тридцать лет живём. Зато

теперь он спит до обеда, а я ему творог ношу.

— Творог — он дисциплинирует, — подал голос дед с бидоном. — Если с утра творог съел — день прожит не зря.

— Особенно если творог свежий, — уточнила Вера, взвешивая очередную порцию. — А если позавчерашний — тоже прожит, но с последствиями.

Поговорили о проверке в мясном отделе. Тётю Раю, как выяснилось, поймали на обвесе с размахом: гири облегчены, кости «левые», а в подсобке нашли тетрадь, куда она записывала, кому и сколько недовесила.

— Аккуратная женщина, — заметила одна из покупательниц, разглядывая творог на свет. — Я вот вечно забываю, кому что должна. А она — нет. Может, ей в бухгалтеры пойти?

— Ей теперь в другое место идти, — вздохнула тётка в берете. — Туда, где учёт ещё строже.

— Ничего, — философски заметила Вера. — В любом учреждении свои нормы. Где-то переучёт, где-то перевоспитание.

После обеда, когда наплыв схлынул, Вера оставила Люсю

на хозяйстве («если что — творог в подсобке, сметана свежая, масла нет и не будет») и отправилась к дому Антонины Павловны.

Геннадий открыл не сразу. Сначала за дверью что-то грохнуло, потом слышалось бормотание, и на пороге возник он сам — в растянутом свитере, тренировочных штанах с пузырями на коленях и тапочках с вышитыми зайчиками. Видимо, наследство покойной тётки пошло в ход сразу.

— А, это вы, — буркнул он, отступая в прихожую. — Проходите. Я тут порядок навожу.

— Вижу, — сказала Вера, оглядывая квартиру. Ящики комода были выдвинуты, на полу громоздились стопки старых газет и журналов, а на обеденном столе возвышалась пирамида из кастрюль. — Капитальный порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.